

но это неверно, ибо Слово построено примерно по тому же плану, что и Моление, — в довольно ясной форме излагая те обстоятельства, которые заставили автора обратиться к князю, и те соображения, по которым князь должен бы обращенную к нему просьбу удовлетворить.

Даниил пишет князю (передаю содержание послания по Молению), что он бежал „от лица скудости своей“, потому что нищета покрыла его, как Черное море фараона. Он всеми обидим подобно стоящему при дороге сухому дереву, которое все мимоходящие секут. Друзья и близкие отвернулись от него, поскольку он не может уже поставить „пред ними трапезы, многообразными брашны украшены“.¹ Друзья хороши, пока угощаются, а при напастях обретаются хуже врагов. По горькому опыту Даниил приходит к убеждению, что нельзя рассчитывать на братьев и друзей: „Аще ли что имею, — поживут со мною; аще ли не имею, то скоро отлучатся от мене“.² Одна надежда — на князя, который украшает своей милостью людей, как весна украшает землю цветами. Расточая по адресу князя многочисленные похвалы, призывая его оказать ему милость, согреть и приютить, Даниил со своей стороны уверяет, что и он сможет быть полезен князю. Не будучи храбр на рати, он зато разумен и смышлен. Правда, он не в Афинах рос и не от философов учился, но он зато подобен пчеле, припадающей к цветам, „избирая сладость словесную и совокупляя мудрость, яко в мех воду морскую“.³ И если бы князь принял его в число своих советников, если бы он поставил „сосуд сердечный под потоком языка“ его, то автор накапал бы ему „сладости словесныя паче вод арапатских“.⁴

Автор послания предусматривает возможные возражения со стороны князя. Последний может просто заявить, что Даниил солгал, как тать. Но Даниил сохранил достоинство мужа и на татьбу не способен. „Аще бы умел украсти, — пишет он, — то селико бых к тебе не скорбел. Девка погубляет свою красоту бляднею, а муж свою честь татбою“.⁵ „Или речеши, княже, — пишет в другом месте Даниил, — солгал есми аки пес. То добра пса князи и бояре любят“.⁶

Автор перебирает далее другие возможные выходы из своего тяжелого положения. Он бы мог, например, „жениться у богатого тестя“, есть и пить у него. Но это значило бы ввести в дом злую, безобразную, отвратительную жену („жену злообразну, кривозороку, подобна черту, ртасту, челюстасту, злоязычну“)⁷ и еще находиться у нее в подчинении.

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, изд. АН СССР. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, подготовил к печати Н. Н. Зарубин, Л., 1932, стр. 61.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 64.

⁵ Там же, стр. 68.

⁶ Там же, стр. 73.

⁷ Там же, стр. 69.